

Настоящая леди

никогда не появляется на людях простоволосой

— Теперь-то ты раскаиваешься?

Джиллиан Эймс приостановилась на поляне позади своего домика, борясь с охватившей ее дрожью, не имевшей, впрочем, никакого отношения к позднему зимнему снегу, тихо падавшему ей на волосы. И тут снова в морозном воздухе эхом прокатился зычный голос преподобного Хэллоусби, несмотря на то что сам священник находился внутри этого хлипкого строения.

— Мэри Эймс, я еще раз спрашиваю тебя: ты раскаиваешься? Твоя дочь умерла. Твои грехи очевидны. Раскаиваешься ли ты?

Джиллиан поспешила к задней части их хижины и, крадучись вдоль стены, стала напряженно прислушиваться к тому, что происходило в доме. Прикрыв глаза, она представила себе эту сцену. Ее мать, должно быть, сидит, согнувшись у камина, и кашляет тем страшным кашлем, из-за которого Джиллиан пришлось оставить ее, чтобы поискать какие-то лечебные травы.

Преподобный Хэллоусби, конечно, возвышается над ней, крепко сомкнув руки; его узкое лицо, ясное дело, покраснело от праведного гнева.

Но затем Джиллиан уловила совсем другие звуки. Какое-то согласное бормотание, а вслед за ним — ободряющий шепот. И по меньшей мере пять «аминь» подряд. С преподобным Хэллоусби были его вечные спутницы: он всегда водил с собой

двух верующих женщин, которые дружно поддерживали его, когда он выходил пугать прихожан тем, что они лишают себя Царства Небесного.

— Покайся, Мэри Эймс! Покайся, я говорю!

Джиллиан прижала кулак к своим губам, стараясь сдержать бурлившую в ней ярость. Ей хотелось тут же ворваться в дом и защитить мать, хотелось схватить большую палку и молотить ею этого довольного собой самодура по голове, пока он не истечет кровью.

Она уже делала нечто подобное раньше. Но теперь не могла. Только не сейчас. Считалось, что она умерла. Поэтому она стояла под снегом, дрожа от гнева и бессилия, но остановить эти благочестивые разглагольствования не могла.

— Для Джиллиан теперь уже слишком поздно, Мэри Эймс. Она сейчас мучительно корчится в адском пламени. И это расплата за Господа нашего!

И тут послышался голос ее матери, отчаянно коверкающей слова:

— Ох, да я вам не верю. Уходите уже. Мне нужно в уборную.

Джиллиан застыла, пораженная намеренно грубым тоном своей матери; она затаила дыхание, понимая, что если сделает хотя бы один вдох, то не выдержит и разразится хохотом. Она должна была бы догадаться, что надменному викарию не удастся запугать ее мать. С Мэри Эймс такое не пройдет, не на того напал.

Джиллиан прижалась ухом к задней стене, стараясь услышать, что там происходит. Мертвая тишина внутри указывала на то, что у шокированных гостей, которые явились увещевать ее мать, просто отнялся дар речи. Трудно даже представить себе, чтобы кто-то имел наглость упомянуть о низменных потребностях тела в присутствии священника!

— Вот и хорошо, — как ни в чем не бывало продолжила Мэри Эймс.

Затем наступила пауза, потому что женщина зашлась в приступе страшного кашля. Джиллиан с замиранием сердца жда-

ла, удастся ли матери на этот раз восстановить дыхание. Ей было страшно представить, что этот приступ может стать... Но кашель прекратился, и Мэри Эймс снова заговорила. Голос ее в неподвижном воздухе звучал твердо:

— Вы можете посмотреть на это, если хотите. Занавесок у нас нет, и я слишком стара, чтобы выходить на улицу. — Джиллиан услышала характерный звук тянувшегося по полу ночного горшка.

— Боже праведный, Мэри, должен же быть у тебя хоть какой-то стыд? — дрожащим от возмущения голосом произнесла миссис Смитти; лицо ее наверняка скривилось в презрительной гримасе.

— Все, что у меня есть, — это чувствительный мочевого пузыря и необходимость срочно пописать.

Наступила еще одна долгая пауза, в течение которой преподобный отец, очевидно, стоял на месте, пытаясь уличить мать во лжи. Но это была лишь пустая трата времени. За пятьдесят с лишним лет жизни у Мэри Эймс уже не осталось ни капли стыдливости. Она точно сделала бы свое дело прямо на глазах благочестивого священника и даже бровью не повела бы при этом.

Поэтому Джиллиан не удивилась, сразу после этого услышав звук торопливых шагов. Уже в следующее мгновение преподобный Хэллоусби и две его престарелые приспешницы вылетели из скромного домика Эймсов. Несмотря на риск быть замеченной, Джиллиан очень хотелось посмотреть на их бегство, и она притаилась за углом. Рукой она по-прежнему прикрывала рот, чтобы не рассмеяться. А вот ее мать себя не сдерживала. Стукнув своей палкой по входной двери, она гордо закудаhtала, как курица, которой удалось отстоять свой курятник.

— Ступайте-ка лучше в свой приход, преподобный! — крикнула она. — А на нашем болоте мы хотим потихоньку грешить с миром!

Из своего укрытия Джиллиан видела, как священник запрыгнул в свою красивую повозку, схватил вожжи и с обиженным

видом отправился восвояси. Хотя сам он не соизволил оглянуться на хижину, за него это сделали обе его верные прихожанки, вложившие в эти взгляды всю свою ненависть и благочестивое негодование.

Джиллиан инстинктивно отпрянула назад, спрятавшись в тень дома; она давно привыкла скрываться от враждебных взглядов и не хотела даже мысли допустить о том, что они могли заметить ее.

Затем они скрылись из виду.

Вскоре после этого она услышала, как ее мать хлопнула входной дверью, возвращаясь в лачугу, и дала волю своему гневу. Но Джиллиан не вошла за ней. Она простояла на улице еще двадцать минут, дрожа от холода, прежде чем посмела проскользнуть внутрь.

— А вот и ты, — коротко хохотнув, сказала мать со своего места у огня. — Ты пропустила визит этого тупицы Хэллоусби.

— Я видела его, — спокойно ответила Джиллиан, снимая свой плащ и аккуратно вешая его на вешалку.

Затем она шагнула к огню, по дороге как бы случайно прикоснувшись к пожилой женщине и почувствовав тепло и жизненную силу, которые по-прежнему присутствовали в этом хрупком теле.

— Мне жаль, что тебе...

— Не извиняйся за него девочка, — прервала ее мать; теперь, когда священник ушел, куда только подевался ее ужасный акцент. — Тебе нужно бы отвечать за себя, не добавляя его грехов к своим собственным.

Джиллиан выпрямилась и, обернувшись к огню, поставила греть воду.

— Хочешь чаю? — спросила она.

Не дожидаясь ответа, она сняла с полки, сделанной из покоробленной дощечки, мамину погнутую оловянную кружку. Затем осторожно вынула из кармана какой-то сухой листик и растерла его, прежде чем бросить в кружку.

— Этот снег убьет новую поросль, — сказала она как можно более непринужденным тоном. — Но когда он растает, талая вода будет очень кстати.

Ответа не последовало. Честно говоря, она на него и не рассчитывала, но все-таки надеялась. Собрав все свои силы, она обернулась, чтобы встретиться с неподвижным взглядом матери.

— Мама?

— У меня прямо мороз по коже, когда я представляю твое имя на ее могильной плите.

Джиллиан сделала вид, будто полностью сосредоточена на том, чтобы осторожно налить кипяток в чашку и подать ее матери.

— Тебе в любом случае не стоит ходить на кладбище. Это слишком далеко.

— Это мне решать, девочка моя, что для меня очень далеко, а что не очень!

Джиллиан согласно кивнула, продолжая стоять рядом и держа кружку в протянутой руке. Последовал еще один приступ кашля, и только когда он закончился, мать взяла у нее отвар и осторожно пригубила его. Очень скоро она опустила кружку, но дыхание ее стало заметно ровнее.

— Я уйду завтра рано утром, мама. Но прежде чем я это сделаю, мне нужно кое-что тебе объяснить.

Мать фыркнула и уставилась на Джиллиан поверх своего питья.

— Девочка, ты меня в могилу загонишь своей глупостью. Нет ничего зазорного в том, чтобы быть горничной. Горничной до меня была моя мать, а до нее — ее мать. Мы в течение нескольких поколений были в услужении у семьи Виндхэмов.

— А теперь *мы сами* станем Виндхэмами, — язвительно бросила Джиллиан, отворачиваясь от нее и глядя в сторону.

— Попридержи-ка свой язык, девочка. Это кощунство, так и знай. — Слова матери прозвучали резко, но Джиллиан с облегчением заметила веселые искорки, вспыхнувшие